«Вы же всё понимаете»

Системная политическая дискриминация в Беларуси:
механизмы, масштаб, последствия

БЕЛОРУССКИЙ
ХЕЛЬСИНКСКИЙ
КОМИТЕТ

⚠ Белорусские власти признали БХК и ряд других правозащитных организаций так называемыми «экстремистскими формированиями».

Хранение и распространение материалов организации создает риски для людей, находящихся в Беларуси или планирующих поездку в страну.

Пожалуйста, учитывайте это при обращении с данным материалом.

© Белорусский Хельсинкский Комитет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

КОМУ АДРЕСОВАН ЭТОТ ДОКЛАД **3**

ВВЕДЕНИЕ **4**

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ **6**

МЕТОДОЛОГИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ **8**

1. ПОНЯТИЙНАЯ РАМКА **9**

2. КОНТЕКСТ: ДИСКРИМИНАЦИЯ ДО 2020 ГОДА **11**

3. ПРИЗНАКИ «СИСТЕМНОСТИ» ДИСКРИМИНАЦИИ **14**

4. СИСТЕМНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ **16**

5. КРУГ ЛИЦ, ПОДВЕРГАЕМЫХ СИСТЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ **18**

6. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКРИМИНАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ **19**

6.1 Законодательный уровень 20
6.2 Правоприменительный уровень 28

7. РЕАЛЬНЫЙ МАСШТАБ СИСТЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ **33**

Примерный перечень проявлений и последствий системной дискриминационной политики государства 35
Как это выглядит на практике 42

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЦЕНА ДЛЯ ОБЩЕСТВА **44**

ПРИМЕЧАНИЯ **47**

Слова и фразы, подчёркнутые пунктиром, отсылают к примечаниям: нажмите на подчёркнутый текст, чтобы открыть примечание в конце доклада.

Кому адресован этот доклад

Международные механизмы защиты прав человека и механизмы международного уголовного правосудия

Доклад позволяет подойти к международно-правовой оценке и квалификации ситуации в Беларуси через аналитическую линзу системной дискриминации. С этой позиции он выявляет механизмы, формирующие и воспроизводящие репрессивную дискриминационную систему, обращает внимание, среди прочего, на тенденцию к постоянному расширению в форме «сопутствующих репрессий» и критически важную роль «системы сигналов» и дискриминационного правоприменения. Эта призма дает возможность принять во внимание более широкий круг пострадавших и перечень затронутых прав человека, включая акцент на социальных и экономических правах.

Дипломаты, иные представители иностранных государств, лица, формирующие политические позиции

Доклад предлагает подходить к репрессиям в Беларуси через линзу системной дискриминации. Ее масштабы и круг пострадавших существенно шире, чем может представляться при учете отдельных репрессивных практик. Учет природы и реальных масштабов репрессивной системы может быть полезен для выработки политических позиций, адвокации и определения мер, необходимых для нормализации ситуации в стране и защиты пострадавших, в том числе беларусов в изгнании.

Миграционные органы принимающих государств

Доклад предлагает значимую для оценки ситуации в стране информацию об устройстве репрессивной системы и ее характерных чертах, о реальных масштабах репрессий и, исходя из этого, об индивидуальных рисках для отдельных лиц.

Аналитическая линза системной дискриминации в сочетании со спецификой системы — важностью «сигналов» о неблагонадежности для последующего преследования, латентностью репрессий и тенденцией к «сопутствующим репрессиям» — позволяет понять, почему риски индивидуального политически мотивированного преследования могут быть высокими даже для людей, не занимавшихся активной политической деятельностью. Она же позволяет понять, почему отсутствие документально подтвержденного преследования не означает, что человек не подвергнется при пересечении границы произвольному задержанию, несправедливому судебному разбирательству и лишению свободы.

Ключевые выводы доклада для миграционных органов изложены в отдельной записке на английском языке: *Systemic political discrimination in Belarus: key findings for asylum and migration decision-makers*.

Введение

Репрессии в Беларуси обычно ассоциируются с известными случаями прямого уголовного или административного преследования — задержаниями, обысками, лишением свободы. О ситуации в стране часто судят по числу людей, признанных политзаключенными. Внимание сфокусировано на этих темах, а также на нарушениях «традиционных» для нашего контекста свободы выражения мнений, свободы ассоциации и мирных собраний, права на справедливый суд. На этом фоне другие формы политически мотивированного ограничения прав могут восприниматься как недостаточно серьезные, а связанные с ними риски — недооцениваться.

Однако после 2020 г. репрессивный аппарат в Беларуси трансформировался и сегодня способен обеспечивать *массовое* и *систематическое* нарушение гораздо более широкого спектра прав в отношении гораздо более широкого круга людей — инакомыслящих и *тех, кого государство считает таковыми*.

Это становится возможным благодаря сочетанию произвольных правовых оснований, избирательного правоприменения и неформализованных ожиданий государства относительно поведения должностных и частных лиц.

Давно знакомая беларусскому обществу формула «вы же всё понимаете» отражает именно эту логику. Сегодня она обрела новую актуальность в условиях расширения дискриминационной политики на разные сферы жизни и группы людей. Когда поводом для применения репрессивных мер становится в сущности нормальное, законное поведение, эта формула помогает преодолеть разрыв между формальными правовыми основаниями и реальными политическими мотивами, объяснить неочевидную связь между действительной или предполагаемой политической «неблагонадежностью» и следующим за ней преследованием.

Концепция **системной политической дискриминации** помогает понять природу и масштабы происходящего в стране. В нашем случае речь идет не об эпизодических нарушениях прав человека, но о **целенаправленной дискриминационной государственной политике**, реализуемой на разных уровнях, во многих сферах. Круг пострадавших от этой политики значительно шире круга лиц, обычно ассоциируемых с жертвами политических репрессий.

Системная политическая дискриминация как аналитическая линза

Мы используем эту концепцию не просто для описания отдельной категории нарушений прав человека, а как объяснительную модель, позволяющую лучше понять, как устроена и воспроизводится репрессивная система в Беларуси.

Основные выводы

- Дискриминация в Беларуси — в том числе системная, по гендерному, политическому и другим основаниям, — была проблемой и раньше. Однако после 2020 г. государство начало разрабатывать и реализовывать качественно новую дискриминационную политику, направленную на систематическое подавление инакомыслия путем поражения определенной группы в правах с помощью выстроенной специально для этого инфраструктуры.

- Власти целенаправленно добиваются искоренения инакомыслия и самой возможности его воспроизводства, а также наказания тех, кого считают его носителями и распространителями. Как следствие, инакомыслящие подвергаются не только прямому преследованию, но и маргинализации, исключению из социальной жизни и публичной сферы, поражению в широком спектре прав. **В целом, нет права человека, реализация которого не была бы затронута этой политикой после 2020**.

- К 2026 г. сложилась дискриминационная система, которая ориентируется не только на действительные проявления несогласия с властью, но и на **постоянно расширяющийся ряд сигналов о «неблагонадежности»**. Благодаря широко сформулированному репрессивному законодательству и ничем не сдерживаемому произволу в правоприменении такие сигналы впоследствии свободно конвертируются в преследование. Широкая система закрепленных законодательно прокси-оснований позволяют преследовать человека просто потому, что государство маркировало его как «неблагонадежного».

- В результате такой политики сложилась **ситуация глубокой, «хронической» правовой неопределенности**, которая требует определенных навыков как от общества, так и от органов преследования. От людей новая ситуация требует всячески избегать проявления того, что *может быть сочтено* инакомыслием, от компетентных органов —

ориентироваться на постоянно расширяющиеся, субъективно понимаемые «сигналы» и наказывать такие проявления.

- Системная дискриминация предполагает укоренение в том числе в бытовых практиках и поведенческих паттернах. В нашем случае государство посредством своей политики конструирует и **навязывает обществу новую «нормальность»**, основанную на маргинализации «политических» и любых несогласных. Государство стимулирует и поощряет недоверие, подозрительность и цензурирование как действий другого, так и собственных, навязывает одной части общества враждебные паттерны поведения в отношении другой. Без давления государства подобные дискриминационные практики и паттерны **не воспроизводились бы** в таком объеме, в котором мы наблюдаем их сегодня.

- Оценить реальный масштаб происходящего затруднительно: репрессивная система, во-первых, высоко латентна (власти скрывают информацию о репрессиях, дискриминационные практики маскируются под нейтральные причины); во-вторых, непредсказуемо расширяется, затрагивая все больше людей, не имеющих отношения к политике вовсе, — мы называем это «сопутствующими репрессиями».

- Качественное улучшение ситуации с равенством и правами человека в стране требует не только немедленного освобождения всех политзаключенных и прекращения прямого преследования, но и ряда других мер, **учитывающих системный характер политической дискриминации** — то множество форматов и сфер, в которых она уже укоренилась и будет воспроизводить себя усилиями государства, если такие меры не будут приняты.

Методология и ограничения

Доклад охватывает период с мая 2020 г. по сентябрь 2026 г. и основан на данных Национального индекса прав человека, мониторинга Основных трендов государственной политики, анализе нормативных правовых актов, а также материалах беларусских правозащитных организаций и международных механизмов.

В существующих репрессивных условиях, при активных усилиях государства по ограничению доступа к информации, доклад вынужден оперировать приблизительными данными.

Системная дискриминация по природе своей затрагивает сразу множество сфер жизни, а также принимает разные, частично невидимые для мониторинга формы — в том числе из-за усилий государства по сокрытию масштаба происходящего. Эксперты не обладают исчерпывающей информацией обо всех формах и последствиях дискриминации; тем не менее, мы считаем важным систематизировать то, что нам известно, и очертить общий контур дискриминационных практик, **который однозначно шире привычных представлений о том, как дискриминируют в Беларуси**.

Термины беларусского законодательства и правоприменительной практики («экстремистский», «террористический», «экстремистское формирование», «экстремистские материалы», «тунеядство» и др.) приводятся в кавычках. Они воспроизводятся для точности ссылок на нормативные акты и решения государственных органов. Кавычки означают, что авторы доклада не признают обоснованность соответствующих квалификаций: в большинстве рассматриваемых случаев они применяются к законной деятельности, которая не отвечает критериям экстремизма, терроризма или иных общественно опасных деяний по международным стандартам.

1 Понятийная рамка

Практики, рассматриваемые в докладе, оцениваются на соответствие международным стандартам равенства и недискриминации, закрепленным в международных договорах Беларуси, в частности в ст. 2(1) и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), ст. 2(2) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) как они истолкованы в Замечаниях общего порядка КПЧ № 18 (ЗОП КПЧ) и Замечаниях общего порядка КЭСКП № 20 (ЗОП КЭСКП).

Дискриминация — неравное отношение к человеку из-за наличия у него каких-либо защищаемых признаков (реальных или предполагаемых), которое не имеет разумного и законного обоснования и ведет к тому, что человек не может пользоваться своими правами наравне с другими.

Политические убеждения прямо отнесены к признакам, по которым запрещено неравное обращение (ст. 2(1) и 26 МПГПП, ст. 2(2) МПЭСКП, ст. 1(1)(a) Конвенции МОТ № 111), причем защите подлежат как наличие, так и отсутствие убеждений, а также высказывание мнений или членство в придерживающихся каких-либо убеждений ассоциациях, профсоюзах или политических партиях (ЗОП КЭСКП № 20, п. 23). Дискриминация имеет место и тогда, когда признак лицу приписывается или когда неравное обращение обусловлено связью лица с соответствующей группой (там же, п. 16). Важно, что не требуется установление действительных взглядов пострадавшего для квалификации обращения как дискриминационного.

При этом не любое неравное обращение является дискриминацией. Международные стандарты допускают дифференцированное отношение там, где:

- оно объективно оправдано;
- оно необходимо для достижения законной цели (при этом такая цель не должна противоречить правам человека);
- оно строго пропорционально заявленной цели — других вариантов ее достижения нет.

Дискриминация может быть **формальной** — когда безосновательное дифференцированное отношение прямо прописывается в законодательстве — и **фактической**, когда по тем или иным причинам определенные группы оказываются в более неблагоприятном положении, несмотря на то, что правовая система государства исходит из принципа формального равенства всех перед законом. Государство обязано избегать формальной дискриминации и предпринимать меры для исправления фактической. С базовой информацией о том, каковы обязанности государства в этой сфере, что могут сделать бизнес и каждый отдельный человек, можно ознакомиться в этом материале БХК.

2 Контекст: дискриминация до 2020 года

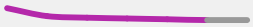
Беларусь не начинала в 1991 г. с чистого листа: из советского периода мы унаследовали множество убеждений — бытовых и не только, законодательства и административных практик, недоверия к отдельным группам, которые, не будучи отрефлексированными, остались в нашей повседневности и обусловили сохранение дискриминационных практик в частных отношениях и в работе государственных институтов. Еще до 2020 г. с системной, устоявшейся во многих сферах необоснованной разницей в отношении к себе сталкивались женщины, ЛГБТК+ сообщество, люди с инвалидностью, отдельные религиозные и этнические меньшинства и другие группы.

Общий принцип равенства перед законом, закрепленный с 1994 г. в статье 22 Конституции, как и международные обязательства государства в области недискриминации, остаются декларативными нормами и не воспринимаются как прямое руководство к действию. В стране не сложилось *комплексное представление о недопустимости дискриминации*, о том, в каком широком спектре правоотношений она может возникать. Пока пытаться защитить себя *именно от дискриминации*, полагаясь на беларусское законодательство, можно лишь на основании соответствующих статей Трудового кодекса и Закона о правах инвалидов и их социальной интеграции. Комплексный антидискриминационный закон, который закрепил бы единую рамку борьбы с дискриминацией, в стране до сих пор отсутствует. Подробнее с проблемами существующей системы, а также с нашим видением мер, которые должны быть приняты в этой области, можно ознакомиться здесь: **Концептуальные рамки системы мер по борьбе с дискриминацией и обеспечению равенства в Беларуси**.

С 2020 г. государство навязывает беларусскому обществу **качественно новое явление — системную дискриминацию** по признаку реальных или вменяемых государством политических взглядов.

В последние годы Национальный индекс прав человека и Основные тренды государственной политики демонстрируют, что дискриминация по реальным или вменяемым государством политическим взглядам теперь так или иначе влияет на реализацию каждого из оцениваемых нами прав. Так, в 2025 г. 17 из 17 оцениваемых прав в Национальном индексе прав человека упоминают дискриминационные нормы и/или практики.

Экспертная оценка по «Равенству и недискриминации» неуклонно снижается. В 2025 году эксперты Национального индекса прав человека оценили компонент «Равенство и недискриминация» на 2,1 балла из 10 — в 2019 году было 3,6.

	2019		2025
Равенство и недискриминация	3,6/10		2,1/10
Оценка «равенства и недискриминации» — среднее значение пяти индикаторов:			
Права человека признаются за каждым, уважаются и обеспечиваются всем без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства	4,6/10		1,6/10
Существует законодательный запрет любых форм дискриминации, включая прямую и косвенную, и другие формы	3,6/10		2,5/10
Созданы и функционируют эффективные механизмы защиты от дискриминации, включая административные и судебные, которые доступны жертвам дискриминации без какого-либо ограничения	2,4/10		1,3/10
Государственные служащие и представители юридических профессий проходят подготовку и периодическую переподготовку по вопросам равенства и недискриминации	2,4/10		1,8/10
Приняты и реализуются на различных уровнях государственные программы, планы, стратегии и иные меры по защите и уважению прав уязвимых групп	5,0/10		3,1/10

Динамика к прошлому году: положительная отрицательная без изменений. Шкала 1–10: 1 — законодательство и практика никак не соответствуют международным стандартам, 10 — полное соответствие. Подробнее о методологии: index.belhelcom.org

Неравное отношение, ограничение в правах, исходя из реальной или предполагаемой политической позиции человека, **давно вышло за пределы свободы выражения мнений, свободы собраний и ассоциаций, права участвовать в государственных делах**, в которых традиционно фиксируются ограничения прав для политических оппонентов и, в целом, несогласных. Теперь такая дискриминация встречается в образовании, здравоохранении, реализации права на труд, в культурной жизни, социальном обеспечении и других сферах.

3 Признаки «системности» дискриминации

Согласно ЗОП КЭСКП № 20 (п. 12), **системная дискриминация** понимается как широко распространенное и устойчиво сохраняющееся наличие правовых положений, политики, практики или господствующих культурных традиций в государственном или частном секторе, которые создают относительные неудобства для определенных групп и привилегии для других групп. Из такого определения можно выделить несколько признаков системности дискриминации, которые должны оцениваться в совокупности:

- нормативное закрепление;
- охват множества сфер (широкое распространение, относительные неудобства для групп);
- устойчивость во времени;
- специальная институциональная инфраструктура;
- воспроизводство в поведенческих практиках.

Признаки системности дискриминации

Говоря о том, что политическая дискриминация в Беларуси выходит на системный уровень, мы констатируем, что все приведенные выше признаки усиливаются (а некоторые появились впервые) после 2020 г. Группа независимых экспертов ООН также подтверждает, что тесное сотрудничество и координация между государственными институтами позволяют государству систематически подавлять основные права и свободы человека в Беларуси (A/HRC/63/CRP.1). Системная дискриминация предполагает укоренение и в бытовых практиках, в поведенческих паттернах. До 2020 г. в беларусском обществе также существовала определенная предвзятость к «политическим»: например, маркером потенциальной «неблагонадежности» зачастую была беларусская речь. Вместе с тем, такая предвзятость не носила массового характера (в отличие от неравного отношения к другим группам, к которым мы бываем куда менее толерантны) и, самое главное, не поощрялась государством на системном (включая законодательный) уровне.

После 2020 государство **выбрало целенаправленно прилагать усилия и тратить ресурсы**, в том числе финансовые, для реализации своей

дискриминационной политики, навязывания дискриминационных установок и поведения. В том числе через разветвленное репрессивное законодательство, атмосферу устрашения, и общее опасение сделать что-то вопреки официальным ожиданиям, государство вынуждает людей относиться друг к другу с недоверием, подвергать постоянной цензуре любое свое и чужое действие. Например, увольнять или изначально не брать на работу тех, в отношении кого есть хотя бы минимальные сомнения в благонадежности. Без государственного давления такие практики просто не воспроизводились бы на системном уровне, который мы сейчас наблюдаем.

Кроме того, характерная черта государственной системной политики после 2020 — попытка сформировать не просто недоверие, но враждебное отношение и ненависть у одной части общества к другой через особую стигматизацию инакомыслящих. Системность в этом отношении особо подчеркивается тем фактом, что государство пытается формировать подобные паттерны уже со школы, в том числе через манипуляцию политикой памяти. Один из ярких примеров — сравнение и отождествление (в том числе и визуальное) в новых школьных учебниках участников мирных протестов 2020 с национальными движениями, сотрудничавшими с нацистами во время Второй мировой войны. Такую же роль играют и «экстремистские» и «террористические статусы» (см. ниже).

4 Системная дискриминация и преступления против человечности

Международное преступление ***преследования*** представляет собой лишение определенной группы фундаментальных прав по дискриминационным мотивам. При этом оно является одним из ***преступлений против человечности*** — а к ним не могут относиться разрозненные, даже грубые нарушения прав человека, эксцессы исполнителя (все это имело место в Беларуси и до 2020 г.).

Преступления против человечности совершаются там, где есть совершенно особый ***контекст*** в виде широкомасштабного или систематического нападения на определенную группу, причем исполнитель осведомлен о таком нападении, а не действует сам по себе. Когда речь идет о преступлениях, организуемых государством или с его ведома, мы говорим о наличии соответствующей ***государственной политики***.

Тот факт, что в Беларуси с мая 2020 г. осуществляется широкомасштабная, систематическая атака на население, последовательно подтверждается Группой независимых экспертов ООН по положению в области прав человека в Беларуси. Атака является *широкомасштабной* — исходя из **числа жертв** и **повторяемости** деяний, образующих преступления, **по всей стране**. Она же носит *систематический* характер — из-за организованного государством характера преступлений и малой вероятности их случайного возникновения. Эти наблюдения подтверждаются Прокурором Международного уголовного суда: в марте 2026 г. было завершено предварительное изучение переданной ему Литвой беларусской ситуации. Прокурор подтвердил наличие разумных оснований полагать, что власти совершают преступные действия в отношении *«действительных или предполагаемых противников* правительства» (в частности, посредством депортации), и поведение это является частью «широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население». По мнению Прокурора, есть основания полагать, что

предполагаемые преступления поощрялись или одобрялись на самом высоком уровне государственного руководства.

Дискриминационная атака на инакомыслящих или тех, кого государство считает таковыми, имеет множество форм и реализуется в самых разных сферах — мы поговорим о них ниже; вероятно, лишь часть этой атаки может удовлетворять всем требованиям, которые международное уголовное право предъявляет к международным преступлениям. Тем не менее, к примеру, вышеупомянутое преступление преследования на концептуальном уровне хорошо отражает происходящее в Беларуси, поскольку речь давно идет не просто об эпизодических нарушениях прав человека отдельными акторами, но **о систематическом подавлении инакомыслия путем поражения определенной группы в правах с помощью выстроенной специально для этого инфраструктуры.**

5 Круг лиц, подвергаемых системной политической дискриминации

Важно обратить внимание на то, как Группа независимых экспертов ООН формулирует, против кого направлена широкомасштабная и систематическая атака: речь идет о «беларусах, *воспринимаемых (perceived)* как критически настроенных по отношению к правительству или оппозиционных ему». Здесь примечательна часть “perceived”: дискриминирующий актор зачастую **«додумывает»** у дискриминируемого наличие того или иного признака (к примеру, презюмирует, что человек с подпиской на оппозиционный ресурс сам придерживается оппозиционных взглядов), так что даже если жертва дискриминации на деле не обладает таким признаком, это не значит, что она не может подвергнуться дискриминационному отношению.

В отношении многих беларусов, инициатив, организаций государство **предполагает нелояльность на основании огромного количества прокси-оснований**: это могут быть поездки в «недружественные страны», наличие иностранного ВНЖ, принадлежность к католической конфессии или польскому меньшинству, солидарность с репрессированными, и прочее. **Поскольку дискриминационная политика постоянно развивается и расширяется на новые сферы, ее охват — а вместе с ним перечень прокси-оснований и круг лиц, которые могут попасть под репрессии, — также будет расширяться**.

6 Механизмы реализации дискриминационной политики

Системность дискриминации и ее широкий масштаб обеспечиваются в нашей ситуации тем, что государство а) формализует дискриминацию как через прямое закрепление норм, устанавливающих неравное обращение, так и через другие репрессивные нормы, создающие условия для дискриминации, и б) занимается избирательным, дискриминационным применением имеющегося регулирования.

а) потребность в правовом основании для репрессий:

В Беларуси сложилась легалистская культура, основанная на верховенстве закона, но не на верховенстве права: с одной стороны, исполнительной власти все же требуются правовые основания для действий, а с другой — правовое основание легко предоставляется оформленным по установленной процедуре нормативным документом — вне зависимости от того, насколько он соответствует Конституции, международным обязательствам страны или общим принципам права. В системе есть четкое убеждение в том, что любая мера, облеченная в установленную процедурную форму, — законна, а следовательно, не влечет ответственности. Таким образом, широкомасштабное и систематическое подавление инакомыслия требует соответствующей правовой базы и инфраструктуры для ее реализации — и получает их, поскольку в случае Беларуси речь идет об авторитарном режиме, который полностью контролирует и нормотворчество, и правоприменение для своих целей.

б) размытые нормы и избирательное правоприменение:

Власти пытаются использовать правовую систему для своих целей, сохраняя при этом иллюзию законности. Не зная, как сформулировать на должном уровне абстракции желаемые запреты *(как, например, должен выглядеть запрет на вывешивание любого сочетания белого и красного цвета в определенных пропорциях в любой форме? А запрет на подписку на Telegram-*

канал правозащитной инициативы?), они вынуждены извращать саму правовую логику. В итоге они пользуются:

- широко сформулированными нормами, под которые **при произвольном правоприменении** может подпадать все, что угодно,
- **избирательным преследованием — административным, уголовным и иными его формами:** компетентные органы, опираясь на **произвольные сигналы о нелояльности** (см. ниже) сами решают, кого считать неблагонадежным, и как использовать имеющийся репрессивный инструментарий, чтобы эту неблагонадежность наказать.

Ниже мы описываем, какие **механизмы и практики на законодательном и правоприменительном уровнях** позволяют государству реализовывать его дискриминационную политику.

6.1 Законодательный уровень

A. Использование прокси-оснований для массового преследования

До 2020–2021 гг. репрессии в Беларуси носили, скорее, точечный характер: для организаций гражданского общества уже действовал более жесткий правовой режим, власти таргетированно преследовали политиков и активистов, однако в каждой отдельной ситуации преследования необходимо было искать основание для ограничения прав в действующем законодательстве (к примеру, изобретать формальные предлоги в виде нарушения налогового законодательства для прекращения деятельности неугодной организации гражданского общества).

После 2020 г. власти начали искать инструменты, которые предоставляли бы возможности для более масштабного преследования инакомыслия под благозвучными предлогами. Так в законодательстве на различных уровнях, в различных сферах регулирования начали появляться как прямые дискриминационные нормы в отношении тех, кого государство «не стесняется» дискриминировать (см., среди других примеров, недавно

введенный запрет «пропаганды гомосексуальных отношений, смены пола, бездетности»), так и нормы-статусы, **позволяющие «маркировать» инакомыслие, не называя его открыто**. Для этого используются прокси-основания (причастность к «экстремистской деятельности», совершение преступлений «экстремистской направленности», наличие иностранного гражданства или ВНЖ, проживание за границей и прочие).

Особенно следует отметить манипуляции законодательством о борьбе с экстремизмом и терроризмом. Экстремизм и терроризм — по природе своей особо общественно-опасные явления, которые, будучи установленными при соблюдении должной процедуры, могут действительно предполагать серьезные ограничения прав совершивших их людей. Пользуясь этим, власти:

а) фактически приравнивают инакомыслие не просто к рядовым правонарушениям, но к *экстремизму*, и

б) выстраивают целую экосистему репрессивных последствий вокруг присвоения или установления соответствующих статусов: привлечение к ответственности на основании «политических» административных и уголовных статей открывает путь к применению целого ряда дискриминационных мер в интересующих государство сферах (см. схему 1б ниже).

Без разговора об «экстремизме» и «терроризме» властям было бы невозможно объяснить, что именно в поведении человека, вышедшего на улицу в бело-красно-белом свитере или задонатившего 50 рублей гуманитарным фондам, оправдывает одновременно уголовное преследование, особый контроль его финансовых операций и автоматический (порой — пожизненный!) запрет на доступ к ряду профессий.

Таким образом, использование «антиэкстремистского» и «антитеррористического» законодательства позволяет одним действием — самим присвоением «террористического» или «экстремистского» статуса — закрыть для человека или инициативы / организации и создаваемого ими

контента доступ к (постоянно расширяющемуся) ряду прав, объявить их деятельность — в том числе ретроспективно — незаконной.

Б. Внутренне противоречивое, широко сформулированное регулирование, постоянно расширяющийся ряд репрессивных последствий

Поскольку власти не строят тотальную репрессивную систему с нуля, а прививают репрессивные практики бюрократической системе, которая при этом пытается выполнять обычные, не связанные с политическим контролем функции, репрессивные изменения принимаются зачастую несистемно. Последствия вышеупомянутых статусов остаются разбросанными по актам разного уровня и разным сферам регулирования. Законодателю приходится постоянно возвращаться к одним и тем же законам и кодексам, чтобы вместить в них репрессивные новации. В результате мы имеем не цельную, продуманную систему ограничений, а разрозненный, наращиваемый по случаю массив норм, который не обеспечивает ни внутренней непротиворечивости, ни предсказуемости как для самих государственных органов, так и для людей.

Хорошим примером того, насколько непредсказуемо далеко могут распространять свое действие общие дискриминационные нормы, является невероятно разросшаяся за последние годы «антиэкстремистская» экосистема.

В ее основе — безосновательно широкое и громоздкое определение «экстремизма», обширный перечень неоднородных правонарушений и преступлений разной тяжести. Вокруг него выстроен ряд других узловых понятий («преступления экстремистской направленности», «экстремистские материалы», «экстремистское формирование» и т.д.), а также создана специальная инфраструктура для реализации этого законодательства — в частности, специальные комиссии по оценке информационной продукции на предмет экстремизма.

В сочетании с чрезмерно широкой дискрецией ответственных органов, ответственных за «противодействие экстремизму», эта экосистема позволяет объявлять противоправной деятельность целых организаций и групп (в том числе объединенных самим государством в произвольном порядке), преграждать доступ к массивам материалов одним решением, а также ограничивать ряд прав людей, отнесенных во внесудебном порядке к «экстремистам» или «террористам».

При этом узловые понятия, на которых держится эта система ограничения прав, имеют несколько определений в разных, порой противоречащих друг другу актах. Так, около половины деяний, отнесенных к «экстремистской деятельности», за которые можно лишиться беларусского гражданства, вообще не имеют аналога в основном определении экстремизма в Законе о противодействии экстремизму.

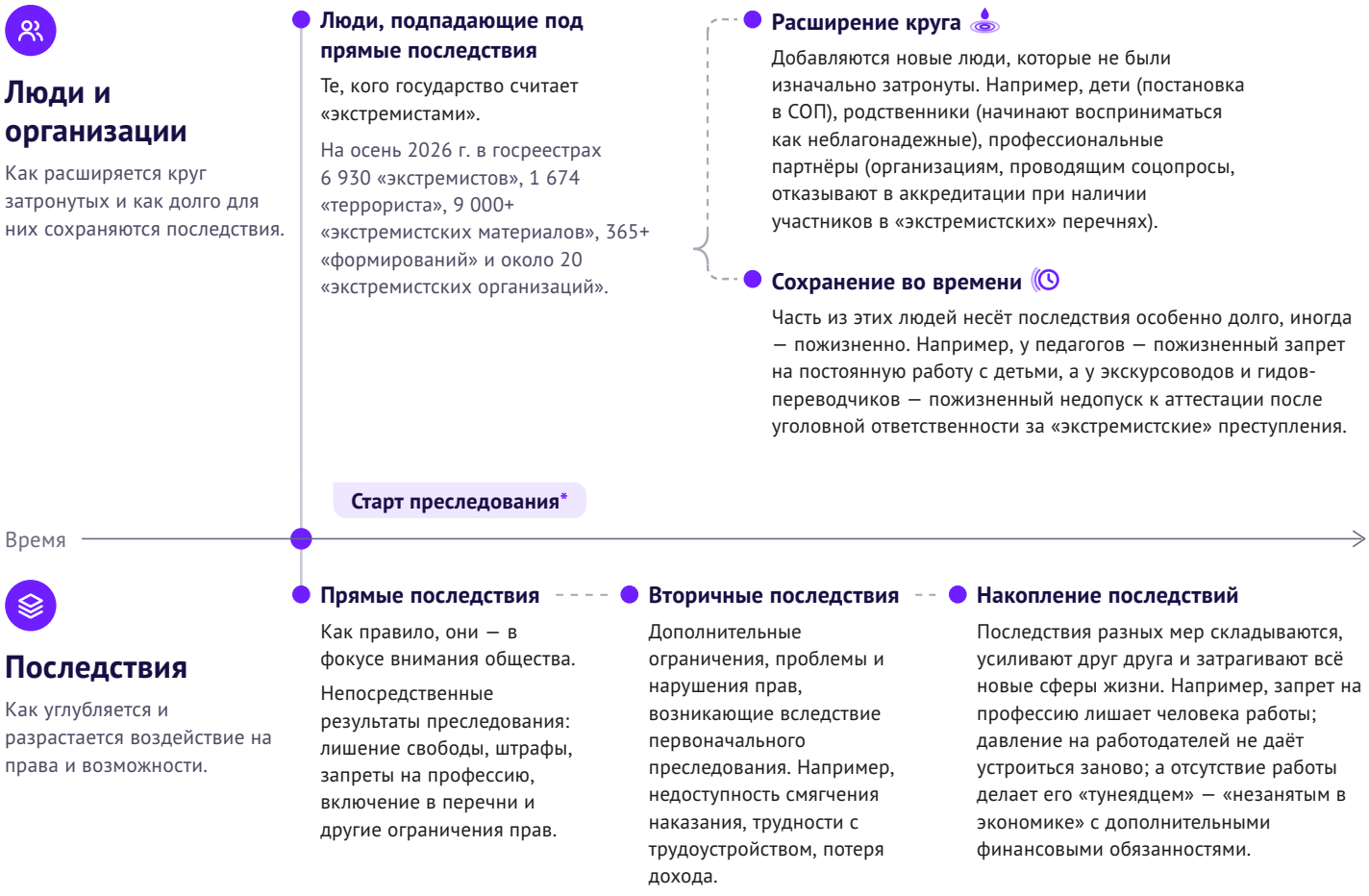
Важнейшее понятие «преступлений экстремистской направленности», совершение которых закрывает доступ (в том числе пожизненно) к ряду профессий, тоже не имеет единого определения: в зависимости от ситуации приходится искать перечень таких преступлений либо в самом акте, устанавливающем ограничение (см. ст. 27-1 Закона о правах ребенка), либо в статьях Уголовного кодекса (см. п. 1.5 Указа № 100 «О статусе белорусского космонавта». В июне 2025 г. было принято постановление Совмина №319 — попытка свести разрозненные нормы к одному знаменателю, закрепляющая единое приложение с перечнем преступлений экстремистской направленности.

И этот перечень, однако, не способствует предсказуемости и определенности, поскольку позволяет отнести к «преступлениям экстремистской направленности» **вообще любое преступление** из особенной части Уголовного кодекса в случае, если оно совершено по мотивам вражды или розни *(что, как показывает практика, беларусскому суду в любом случае установить нетрудно)*.

Схемы 1а и 1б демонстрируют часть социальной жизни и правовой системы, пораженную «антиэкстремистскими» запретами. С их помощью видно, как государство использует этот репрессивный инструмент, чтобы ограничить доступ к горизонтальной самоорганизации путем партий и объединений, доступ к ряду профессий, услуг, заслуженных льгот, доступ к публичной сфере, и так далее. В сущности, **государство воспроизводит советский тоталитарный механизм маргинализации нелояльных людей, вытеснения их из социальной жизни в том числе через запрет на профессию и последующие проблемы с новым трудоустройством, что особенно проблематично из-за наказуемости «тунеядства».**

Схема 1а. Модель механизма распространения последствий

Репрессивное воздействие не ограничивается первоначальной мерой и её непосредственными адресатами. Оно может сохраняться длительное время, распространяться на новых людей и порождать цепочки дальнейших последствий, затрагивающих разные сферы жизни.

* В основе системы — чрезмерно широкие и противоречивые определения «экстремизма» и связанных понятий, позволяющие относить к «экстремистским» самые разные деяния и применять многочисленные ограничения прав (подробнее — в разделе 6.1 Б).

Схема 1б. Экосистема последствий «экстремистского» статуса

Это не исчерпывающий перечень — здесь приведена лишь часть последствий. «Антиэкстремистское» законодательство значительно шире и включает в себя, помимо прочего, противодействие реабилитации нацизма, терроризму, разжиганию вражды, отрицанию «геноцида белорусского народа» — у каждого из этих направлений свои нормативные основания, порождающие собственный, отдельно разветвленный ряд правовых последствий.

Осуждение за «преступление экстремистской направленности»

Сам термин определяется по-разному в разных актах — см. выше

- **Осуждённые в целом**

  Исключение из гуманизации уголовной ответственности — смягчения, доступные всем остальным, на эту категорию не распространяются

  Закон №61-З от 17.02.2025 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»

- **Педагогические работники**

  Пожизненный запрет на постоянную работу с детьми

  ст. 27-1 Закона «О правах ребёнка»

Уголовная или административная ответственность по конкретно перечисленным «экстремистским» статьям

- **Экскурсоводы и гиды-переводчики**

  Недопуск к аттестации — пожизненно за уголовную ответственность, 5 лет за административную

  п. 2 Положения о порядке и условиях прохождения профессиональной аттестации экскурсоводов и гидов-переводчиков

- **Дети — через статус СОП**

  Постановление Совмина №1055, 30.12.2024

Включение в перечень «причастных к экстремистской/террористической деятельности»

- **Банковские сотрудники**

  Включение в перечень — основание признать деловую репутацию кандидата дискредитированной; такое лицо не может быть «лицом, выполняющим ключевые функции в банке»

  Постановление Правления Нацбанка №669 от 19.12.2012, п. 2, 23

- **Религиозные организации**

  Лица из перечня не могут быть руководителями или учредителями

  ст. 12 Закона «О свободе совести и религиозных организациях»

- **Организации, проводящие соцопросы**

  Отказ в аккредитации организации при наличии участников в перечне

  п. 4 Положения об аккредитации юридических лиц на проведение опросов общественного мнения

Широкое понятие «экстремистской деятельности» / «экстремизма», порождающее последствия само по себе

- **Осуждённые за «экстремистскую деятельность» — базовый, общий запрет**

  Запрет заниматься деятельностью, связанной с оборотом наркотических средств, педагогической и издательской деятельностью, а также занимать государственные должности и проходить военную службу

  ст. 18 Закона №203-З «О противодействии экстремизму», 04.01.2007 (ред. от 17.07.2023)

- **Риелторы**

  Аннулирование свидетельства за «любой вид деятельности, направленной на дискредитацию» — включая взаимодействие с экстремистскими формированиями и подписку на экстремистские ресурсы

  п. 33 Инструкции о порядке аттестации риелторов

- **Нотариусы**

  Взаимодействие с экстремистскими формированиями и подписка на ресурсы — проступок, порочащий честь и достоинство, основание для аннулирования свидетельства

  пп. 19, 20 Правил профессиональной этики нотариуса

- **Учредители СМИ**

  Запрет быть учредителем СМИ в течение 5 лет после ликвидации экстремистской организации, участником которой ранее был кандидат

  п. 3.4-2 ст. 10 Закона «О СМИ» №427-З, 17.07.2008

- **Детские объединения**

  Запрет создания, если целью является экстремистская деятельность либо «допускается возможность» её осуществления

  ст. 26 Закона «О правах ребёнка»

- **Политические партии**

  То же основание — запрет создания и отдельное основание для ликвидации уже существующей партии

  ст. 7, ст. 32 Закона «О политических партиях»

- **Религиозные образовательные программы**

  Содержание программ не может включать пропаганду экстремистской деятельности

  ст. 10 Закона «О свободе совести и религиозных организациях»

- **Уставы, вероучения, культовые практики**

  Могут проверяться на предмет содержания проявлений экстремизма

  ст. 22 того же закона

- **Граждане Беларуси за рубежом**

  Утрата гражданства — даже приобретённого по рождению — за участие в экстремистской деятельности; основание применяется именно к находящимся за границей

  ст. 19 Закона №136-З «О гражданстве Республики Беларусь», 01.08.2002

Более широкая формула, поглощающая экстремизм как один из случаев — «вред государственным или общественным интересам»

- **Космонавты**

  Утрата особых социальных гарантий и льгот при нанесении вреда государственным/ общественным интересам, включая экстремистскую направленность как один из вариантов

  п. 1.5 Указа №100 «О статусе белорусского космонавта», 19.03.2024

При этом из ключевого закона, регулирующего противодействие «экстремизму», **вытекает лишь весьма ограниченный ряд репрессивных последствий** — остальные появляются в отдельных законах то применительно к одной сфере, то к другой. Так или иначе, все они фактически вводят новые

наказания, на которые не распространяются процессуальные гарантии административного или уголовного процесса.

Важно также обратить внимание на то, что некоторые «автоматические» последствия «экстремистского» статуса при действующем регулировании **остаются с человеком на всю жизнь** — вне зависимости от снятия судимости. Помимо того, что сам неиндивидуализированный, внесудебный запрет занимать определенную должность противоречит международным стандартам, трудно представить, чем можно обосновать пожизненный недопуск к работе с детьми или роли экскурсовода для человека, которого осудили, к примеру, за волонтерство в правозащитной организации.

Мы отслеживаем расширение репрессивного регулирования, в том числе появление новых дискриминационных «антиэкстремистских» норм, в Основных трендах государственной политики.

В. Чрезмерно широкая дискреция исполнителей, граничащая с произволом и постоянно расширяющаяся через изменение законодательства

Репрессивное регулирование сопровождается чрезмерно широкими полномочиями для ответственных за его реализацию органов — в том числе силовых структур, приобретающих все большую важность в системе, а также создаваемых ad hoc несудебных механизмов вроде Комиссии по возвращению. А также полным отсутствием процессуальных гарантий.

Важнейшие решения о внесении организации или инициативы в перечень «экстремистских формирований», а также о включении отдельных лиц в «террористический» перечень, влекущие ряд автоматических репрессивных последствий, **вообще выведены из сферы судебного контроля**: их принимают МВД или КГБ в первом случае и исключительно КГБ во втором. Для внесения человека в перечень «террористов» не требуется даже обвинительный

приговор по соответствующим статьям — достаточно предъявленного обвинения.

При этом сами тексты решений не публикуются, основания внесения в перечни остаются неизвестными даже для самих заинтересованных лиц, что исключает какую-либо возможность эффективного обжалования.

6.2 Правоприменительный уровень

В стране созданы условия не только для возможности произвола в правоприменении для целей государства в целом, но и для **избирательного** административного и уголовного **преследования** в частности. Все ключевые механизмы защиты прав подконтрольны действующей власти, возможности контроля со стороны гражданского общества уничтожены — в этой ситуации ничто не сдерживает суды и другие органы от дискриминационного применения законодательства. Часть репрессивных практик вовсе осуществляется только на основании внутренних служебных — формальных и неформальных — инструкций.

Нейтральные в сути своей механизмы — регистрация партий, религиозных организаций и общественных объединений, допуск к определенной деятельности посредством лицензирования и другие — используются произвольно и превращаются в фильтры и механизмы контроля *(см. схему 1б выше)*. Непрозрачное, произвольное ведение различных баз данных граждан — от сведений о привлечении к административной и уголовной ответственности до «черных списков» для различных профессий — а также широкий доступ к ним делают возможным дискриминационное отношение на местах. Такие списки и базы становятся набором формальных маркеров нелояльности, на основании которых чиновники и сотрудники организаций на местах принимают дискриминационные решения — уволить, отчислить, отказать в реализации права.

Признание материалов «экстремистскими» по закону все еще формально относится к компетенции суда. При этом на практике не зафиксировано ни одного случая, в котором суд отказал по существу дела в удовлетворении запроса о признании материалов «экстремистскими»: выводы специальной комиссии по оценке информационной продукции принимаются судами без какой-либо критической оценки.

На уровне административной практики складывается система, близкая к советскому административно-командному управлению, претендующему на контроль над всеми сферами общественной жизни, включая экономику и частные отношения. Выстраивается инфраструктура контроля не только за государственными органами, учреждениями и предприятиями, но и за частным бизнесом, научной, образовательной, культурной и другими сферами. В том числе через внедрение руководителей по идеологии и безопасности в частных организациях, зачистку гражданского общества и механизмы, ограничивающие возможность какой-либо самоорганизации, создание контролируемых государством органов гражданского самоуправления. Обычной практикой является неформальное государственное вмешательство в кадровую и иную политику организаций.

Принятая в 2025 г. Директива № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» устанавливает единые стандарты для идеологической работы по всей стране и закрепляет требование для организаций «всех форм собственности» проводить такую работу — для этого в каждой организации должны быть сотрудники, отвечающие за ее координацию. После принятия директивы в частные компании стали приходить письма от местных администраций с указанием нанять в штат идеолога — и предоставить подробную информацию о таком сотруднике.

В результате, с одной стороны, мы имеем репрессивное регулирование, сформулированное таким образом, чтобы под запрет могло попадать в принципе все, в чем правоприменитель заподозрит инакомыслие; с другой — исполнителей, наделенных произвольными, не контролируемыми

независимыми субъектами полномочиями, а также гарантии их безнаказанности.

Поскольку власти пытаются преследовать нормальное, законное поведение, которое не поддается внятной криминализации, при этом у них есть свои представления о *потенциально опасном*, *неблагонадежном*, *неугодном* поведении или контенте, **им приходится опираться на ряд «сигналов»**, благодаря которым они выявляют такое неугодное поведение — и, используя существующее регулирование, заниматься избирательным — а значит, в сути своей дискриминационным — административным и уголовным преследованием. Наряду с этим применяется и ряд других репрессивных норм, накладывающих на людей наказание полностью в обход административного или уголовного процесса и положенных ему гарантий.

При этом как от людей и организаций, так и от компетентных органов ожидается не столько детальное знакомство с новым регулированием *(что просто невозможно ввиду его громоздкости и противоречивости; в одном только списке «экстремистских материалов» на сентябрь 2026 г. — почти 3,000 страниц)*, сколько умение ориентироваться в вышеупомянутых прокси-основаниях и сложившейся системе сигналов. От людей это умение требует всячески избегать демонстрации того, что может быть сочтено проявлением инакомыслия (а также позаботиться о том, чтобы в публичном поле не осталось подобных проявлений даже за период до 2020 г.), от компетентных органов — ориентируясь на постоянно расширяющиеся, субъективно понимаемые «сигналы» наказывать такие проявления.

Важные черты сложившейся системы, которые следует принимать во внимание для валидной оценки происходящего в Беларуси и с беларусами за рубежом:

а) Системная политическая дискриминация **имеет тенденцию к постоянному расширению и распространению «сопутствующих репрессий» (от военного**

***англ.* collateral damage — «сопутствующие потери»)**. Помимо того, что расширяются сами представления о «нелояльности» и «инакомыслии» (а следовательно, и охват репрессивных практик), власти все чаще принимают репрессивные меры, затрагивающие намного более широкий круг лиц, чем изначальная цель — преследование инакомыслящих.

Так, «паспортный» Указ №278, явно нацеленный на серьезное ограничение прав граждан, которые вынужденно покинули Беларусь ввиду риска политического преследования, затронул вообще всех беларусов, живущих за рубежом.

С целью давления на родственников политзаключенных, власти признали «экстремистскими формированиями» десятки чатов, большинством участников которых являлись родственники обычных заключенных, которые теперь также находятся под риском уголовного преследования.

Признание Европейского гуманитарного университета «экстремистской организацией» также подвергло риску уголовного преследования огромное количество людей, когда-либо в каком-либо качестве с ним взаимодействовавших.

Таким образом, становится все сложнее предсказать, кто, когда и на каком основании может подвергнуться репрессиям вследствие дискриминационного обращения за свои взгляды или то, что государство сочтет выражением этих взглядов.

б) Высокая степень латентности репрессий: с учетом распространенности практик неформального давления, дискриминации по прокси-основаниям, к тому же без документации мотива репрессивной меры (те же увольнения и отчисления по «нейтральным» основаниям), усилий со стороны государства к сокрытию масштаба происходящего, включая ограничение доступа к статистике и манипуляции ею, определить реальный круг жертв дискриминационной политики государства становится все труднее. **Может появляться обманчивое впечатление о снижении интенсивности репрессий,**

что не соответствует действительности, даже исходя из имеющихся у нас ограниченных данных: см. доклад ПЦ “Вясна” о «спрятанных репрессиях», а также специальное заявление правозащитной коалиции от 12.10.2026 об оценке ситуации с репрессиями.

7 Реальный масштаб системной политической дискриминации

По описанным выше причинам определить реальный масштаб репрессий и круг затронутых лиц затруднительно даже спустя шесть лет действия дискриминационной политики. Зачастую, особенно в публичном дискурсе, под репрессиями понимается прямое уголовное или административное преследование (задержания, обыски, лишение свободы, «экстремистский» и «террористический» статусы). К наиболее часто нарушаемым правам относят свободу выражения мнений, свободу мирных собраний и ассоциаций, право на справедливый суд. Таким образом, обозначение круга потерпевших от репрессий преимущественно ограничивается людьми, подвергающимся этим видам прямого преследования.

Тем не менее, сложившаяся репрессивная система, которая базируется на системной дискриминации по политическим основаниям **порождает куда более широкие последствия,** охватывающие фактически все сферы общественной жизни, включая социальные, экономические и культурные права.

Ниже приводится примерный перечень сфер, затронутых дискриминационной политикой, и ее последствий. Он не претендует на исчерпывающую картину, но делает масштаб репрессий и ширину круга затронутых лиц несколько более понятными и осязаемыми.

Важно понимать, что строгая систематизация последствий репрессивной политики затруднена самим устройством системы: она внутренне противоречива и сложна, охватывает фактически все сферы жизни, вовлекает в реализацию своей политики частных субъектов. Одни и те же репрессивные действия могут поражать сразу несколько прав и порождать каскадные, не всегда очевидные последствия — краткосрочные и долгосрочные, в том числе в тех сферах и среди тех групп, на которые государственная политика изначально не была нацелена (см. выше о «сопутствующих репрессиях»). Приведенные категории могут пересекаться. На практике это означает, что

жертва системной дискриминации может сталкиваться сразу с несколькими из перечисленных ниже последствий. Именно поэтому в конце раздела мы приводим примеры, показывающие на конкретных случаях, как разные последствия накладываются друг на друга, в том числе усугубляя положение и без того уязвимых групп.

Не все категории причиненного вреда поддаются точному описанию и подсчету пострадавших. Это, однако, не означает, что их не нужно называть и учитывать — **как при разработке мер по улучшению существующей ситуации, так и в рамках будущего переходного правосудия**. По отдельным категориям сложились устоявшиеся методологии подсчета пострадавших; по многим другим таких методологий пока нет, но мы считаем важным удерживать фокус внимания на том, насколько широк круг лиц, охваченных дискриминационной политикой, и в этих менее очевидных аспектах.

Отметим также, что категории ниже не ранжированы по степени тяжести последствий или причиненного вреда.

Примерный перечень проявлений и последствий системной дискриминационной политики государства

Краткая версия. *Мы приводим эту схему, чтобы вы могли оценить масштаб. Детальнее — далее.*

Административное и уголовное преследование по политическим мотивам

Может сопровождаться рядом самостоятельных, но взаимосвязанных последствий, включая

- нарушение права на справедливый суд
- конфискация имущества
- принудительное психиатрическое лечение
- пытки
- потеря здоровья
- включение в террористические и экстремистские списки

Вынужденный отъезд из страны и депортация

- вынужденный отъезд из страны или принудительная депортация, в т.ч. без документов и/или в зону боевых действий
- финансовые потери, психологические страдания и разрыв связей
- невозможность получения паспортов и других документов
- невозможность совершать сделки со своим имуществом
- злоупотребление запросами на розыск в Интерпол
- другие транснациональные репрессии

Ограничение трудовых прав

- политически мотивированные увольнения
- лишение доступа к профессии
- «чёрные списки» и запреты на трудоустройство
- невозможность повторного трудоустройства
- ограничение карьерного роста
- лишение премий и пенсий за особые заслуги
- давление на рабочем месте не только на работников, но и на их близких

Ограничение права на образование

- монополизация образования государством
- идеологизация, милитаризация и цензура образования
- политически мотивированные отчисления и угрозы исключения
- дискриминационные условия поступления в учебные заведения
- запрет на профессию для «нелояльных» педагогов и ограничения репетиторской деятельности
- дискриминация беларусского языка и ограничение изучения языков национальных меньшинств
- признание образовательных инициатив «экстремистскими формированиями»
- ограничение академической мобильности и международных образовательных связей
- ограничение доступа к иностранному образованию

Финансовые обременения и ограничения

- несоразмерные штрафы и финансовые потери семей
- арест и конфискация имущества
- принудительные выплаты государству за донаты
- давление на бизнес вплоть до его утраты
- финансовые ограничения из-за репрессивных статусов

Произвольные административные практики, нарушающие целый ряд прав, включая право на частную жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность

- слежка и наблюдение
- дискриминационный надзор за бывшими политзаключёнными
- произвольный сбор и использование персональных данных
- мониторинг финансовых операций
- произвольные проверки на границе
- блокировка интернет-ресурсов

Примерный перечень проявлений и последствий системной дискриминационной политики государства

Административное и уголовное преследование по политическим мотивам

Может сопровождаться рядом самостоятельных, но взаимосвязанных последствий, включая

- нарушение права на справедливый суд,
- конфискацию имущества,
- принудительное психиатрическое лечение,
- условия содержания в местах несвободы, которые могут квалифицироваться как пытки или жестокое обращение, иное давление,
- ухудшение состояния здоровья и тяжелые страдания для близких — особенно в ситуациях, когда человек содержался *incommunicado*,
- включение в перечни «причастных к экстремистской» и «причастных к террористической деятельности», которое само порождает дальнейшие серьезные ограничения (см. схему 1б)

Вынужденный отъезд из страны и депортация

Включает как вывезенных из Беларуси против воли людей, так и тех, кто был вынужден принять решение об отъезде ввиду риска политического преследования. И те, и другие сталкиваются с психологическими страданиями, проблемами с документами. Принудительно вывезенные люди являются наиболее уязвимой группой, так как в ряде случаев им приходится покидать страну без каких-либо документов, возможности попрощаться с близкими и принять самостоятельное решение относительно своего отъезда и страны, в которую их вывозят. Поскольку отдельных политзаключенных принудительно вывезли в Украину, на территории которой ведутся боевые действия, их подвергли еще и прямому риску для жизни и здоровья.

Помимо тяжелых психологических, финансовых и иных последствий, неразрывно связанных с вынужденной эмиграцией, находящиеся за

границей люди в целом сталкиваются с постоянно расширяющимися практиками дискриминационного обращения именно с уехавшим — в том числе закрепленными в законодательстве, включая:

- серьезные последствия «паспортного» указа: невозможность продлевать / получать важные для реализации базовых прав документы, включая паспорт, недействительность которого чревата фактическим безгражданством, также отсутствие возможности совершать сделки со своим имуществом, оставшимся в Беларуси, ограниченная возможность вступать в брак и т.д;
- ряд иных барьеров в реализации прав из-за рубежа, включая невозможность реализовать право на справедливый суд, распространение на уехавших статуса «незанятых в экономике» с последствиями дискриминационного «тунеядского» регулирования, целенаправленную тенденцию лишения социальной поддержки (прекращение выплат по потере кормильца и на детей, не поддающиеся выполнению из-за рубежа из-за административных требований для доступа к услугам);
- обширный инструментарий транснациональных репрессий с тяжелыми последствиями для самих принудительно покинувших страну людей, их родственников и имущества в Беларуси.

Ограничение трудовых прав

Отдельная важная составляющая систематической кампании по подавлению инакомыслия — произвольное ограничение трудовых прав. В этой категории важно учитывать скрытность репрессивных практик и трудности в подсчете затронутых лиц: исполнители выбирают формально «неполитические» основания для увольнения (давление с целью оформить увольнение по собственному желанию, непродление контракта), что затрудняет подтверждение подлинной причины увольнения. Тем не менее отдельные независимые профессиональные организации ведут собственный, приблизительный подсчет политических увольнений в своей сфере. Полный масштаб происходящего еще предстоит выяснить, однако сама практика

нарушения трудовых прав остается систематической и массовой. К системным дискриминационным практикам в трудовой сфере относятся:

- массовые, растянутые во времени, проводящиеся во множестве сфер увольнения, а также иное лишение доступа к профессии через аннулирование лицензий и неаттестацию, ликвидацию организаций или превращение самой деятельности (например, правозащитной) в фактически уголовно наказуемую, ведение «черных списков» и ограничение доступа к публичной сфере и аудитории для людей культуры;
- во многих случаях — невозможность заново трудоустроиться из-за сочетания давления на работодателей и создания условий для дискриминации: деятельность сотрудников по безопасности, вмешивающихся в кадровую политику, требование характеристики с прошлого места работы, отражающей отношение к государственным и общественным институтам, формальные и неформальные запреты на трудоустройство нелояльных лиц; бывшие политзаключенные с «экстремистскими» или «террористическими» статусами сталкиваются с фактической невозможностью трудоустройства, особенно на высококвалифицированные должности;
- другие дискриминационные практики на рабочем месте и связанные с профессиональной деятельностью: ограничение возможности карьерного роста, лишение премий и пенсий за особые заслуги, использование «объяснительных» как рычага для шантажа, отслеживание активности детей и других родственников сотрудников, мониторинг и давление в связи с поездками за границу в «недружественные страны».

Ограничение права на образование

Право на образование нарушается на всех уровнях и во всех сферах — от детских садов до вузов, включая неформальное образование. Ввиду идеологической важности этой сферы, власти стремятся не только исключить из нее «неблагонадежных» специалистов и организации, но в целом взять ее под контроль.

Во-первых, государство монополизирует сферу образования, создавая тем самым условия для дискриминации, через:

- лицензирование образовательной деятельности;

- запрет для ИП реализовывать образовательные программы дошкольного и специального образования;
- принудительное закрытие частных детских садов, школ и вузов;
- запрет дистанционного обучения в иностранных школах для детей, живущих в Беларуси и другие меры.

Наряду с монополизацией, государство идеологизирует и милитаризирует образование, лишая учащихся и их родителей свободы выбора форм и содержания образовательных программ.

Во-вторых, среди непосредственно дискриминационных условий и практик в образовании:

- массовые отчисления из вузов по политическим мотивам, угрозы исключения из школы;
- создание условий для формализации дискриминации при доступе к образовательным услугам, включая обязательные характеристики при поступлении в вузы с отражением «отношения к государственным и общественным институтам, конституционному строю»;
- запрет на профессию для педагогических работников, привлекавшихся по «политическим статьям» (см. раздел 6);
- цензура в содержании учебных программ и образовательной деятельности в целом;
- уничтожение возможностей для изучения языков национальных меньшинств (польского, литовского, украинского);
- системная дискриминация беларусского языка в образовании;
- признание образовательных инициатив «экстремистскими формированиями» с каскадными последствиями для учащихся, учителей, сотрудников и всех, кто как-либо связан с такими инициативами;
- ограничение академической мобильности и контактов с зарубежным образовательным сообществом, включая обязательное согласование участия в международных конкурсах и олимпиадах под угрозой штрафа, случаи отслеживания обращений за апостилем и отказы в выдаче дубликатов документов об образовании, а также обязательство вернуться в Беларусь и характеристику «моральных качеств» как условие участия в программах обучения за рубежом по квотам — и другие практики.

$ Финансовые обременения и ограничения

Среди большого числа произвольных финансовых обременений и ограничений как части дискриминационной политики можно выделить:

- непомерные, несоразмерные деяниям штрафы, которые становятся тяжелым бременем для политзаключенных и их семей; потерю кормильца в случае семей политзаключенных, которые умерли в заключении, а также потерю дохода и дополнительные расходы в случае семей политзаключенных в целом;
- внеправовое взыскание с людей, проявивших финансовую солидарность с репрессированными или с Украиной, сумм, кратно превышающих исходную («добровольные» пожертвования на цели, определяемые властями). Это делается в обмен на отказ от возбуждения политически мотивированного уголовного дела, причем без каких-либо гарантий, что человека в итоге не станут преследовать;
- арест и конфискацию имущества политзаключенных и вынужденно эмигрировавших;
- создание препятствий в ведении бизнеса (лишение лицензий, произвольные проверки и иные формы давления), вплоть до полной утраты бизнеса;
- «экстремистский» и «террористический» статусы влекут за собой серьезные ограничения финансовых возможностей людей как при содержании в местах несвободы (невозможность «отовариваться» даже на деньги, которые присылают родственники), так и после выхода на свободу: помимо того, что их финансовые операции подлежат особому контролю, люди сталкиваются со сложностями с заведением банковских счетов, заключения сделок и проч.

Произвольные административные практики, нарушающие целый ряд прав, включая право на частную жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность

В этой категории — огромное количество административных практик, связанных с нарушением права на частную жизнь, включая слежку, произвольное обращение с персональными данными людей (в том числе

ведение баз данных на произвольных началах с предоставлением доступа к ним широкому кругу субъектов), дискриминационные условия надзора за бывшими политическими заключенными, мониторинг финансовых операций, произвольные, порой унижающие человеческое достоинство проверки на границе, блокировка интернет-ресурсов, обязательная дактилоскопия для беларусов с иностранным ВНЖ или гражданством, и так далее.

Как это выглядит на практике

- A — лишение свободы
- B — дискриминация в условиях содержания
- C — утрата профессии
- D — финансовые
- E — изгнание/отъезд
- F — административное давление
- сопутствующий (collateral) вред

Ребёнок вынужденно уехавших родителей

Как минимум:

Сам по себе не является прямой целью репрессий. Его семья сталкивается с проблемой легализации для ребёнка, который родился за рубежом, если родители опасаются возвращаться в Беларусь для оформления паспорта.

Бывший политзаключённый в перечне «экстремистов»

Как минимум:

К нему применимы все последствия несправедливого уголовного преследования. После освобождения, помимо административных и других трудностей, связанных с унизительными условиями превентивного надзора, может столкнуться с отказами в открытии банковского счёта, проблемами в оформлении сделок. Автоматически ограничен в доступе как минимум к 8 профессиям и в целом сталкивается с проблемами в трудоустройстве из-за своего статуса.

Человек с иностранным видом на жительство

Как минимум:

Рискует столкнуться с дополнительным вниманием на границе и давлением, в том числе на рабочем месте, в том числе в отношении родственников; может столкнуться с ограничениями в доступе к отдельным профессиям и госслужбе, ограничен в пассивном избирательном праве, подлежит обязательной дактилоскопии.

Деятель культуры (например, музыкант) в «чёрных списках»

Как минимум:

Финансовые последствия в виде невозможности зарабатывать на жизнь своей профессией, отсутствие доступа к профессии, упущенные возможности, отсутствие доступа к аудитории. Риск попадания в «экстремистский» перечень и классификации создаваемого им продукта в качестве «экстремистского», что ограничит доступ публики к нему даже в интернете. Потенциальный отъезд из страны ввиду невозможности реализоваться и пользоваться своими правами.

Заключённая пенсионерка с инвалидностью

Как минимум:

Проводя людей через несправедливые процессы, назначая несоразмерное вменяемому деянию наказание, власти не учитывают ни возраст, ни состояние здоровья человека; такая женщина сталкивается с двойным набором последствий дискриминационной политики, поскольку испытывает на себе трудности близких к пыточным условий содержания и как женщина, и как человек с инвалидностью (для которого доступ к адекватной медицине — часто вопрос выживания). При этом после изменений правил выплаты пенсий осужденным в 2025 г. пенсии в полном объеме поступают в исправительное учреждение по месту отбывания наказания. Это создаёт для политзаключённых пенсионеров повышенные риски. Администрация сама рассчитывает и удерживает стоимость содержания и иные платежи, а осуждённая практически теряет возможность распоряжаться своими деньгами. Системная дискриминация по политическим мотивам всегда делает и без того уязвимые группы ещё более уязвимыми.

8 Заключение. Цена для общества

В настоящий момент **невозможно отразить все практики и последствия** комплексной дискриминационной политики государства — в том числе потому, что **каждая из упомянутых мер сама по себе имеет ряд каскадных последствий**, которые затрагивают даже те области, на которые они изначально не были направлены. В результате ущерб причиняется не только непосредственно затронутым людям и организациям, но стране в целом. Время, ресурсы и усилия, которые государство тратит на выстраивание и поддержание репрессивной системы, отнимаются у нормального развития общества. Речь идет о невосполнимом вреде для огромного количества семей, об оттоке людей, экспертизы, практик и институтов, упущенных возможностях, разрушении культурной среды и социальных связей.

Среди негативных последствий дискриминационной политики, на которые стоит особо обратить внимание — состояние правовой системы и правовой культуры, которым дорого обходятся попытки государства придать систематическим репрессиям легальность. Встраивание репрессивных норм в разные, не связанные между собой сферы законодательства ломает его системность и **сказывается на качестве всего правового регулирования**, включая даже ту его часть, что к «политике» отношения не имеет. Искривленная таким образом правовая система влияет на формирование искаженной правовой культуры, нормализует новую реальность, в которой допустимо публично отказывать «неугодным» в базовом равенстве всех людей перед законом. Особенно серьезны последствия происходящего для новых поколений юристов, юридического образования и профессии в целом: от юристов преимущественно зависит, каким образом формулируются и применяются нормы, по которым живет общество, какова его правовая культура. Юридическое образование в духе *rule by law* (верховенство закона), а не *rule of law* (верховенство права), в отсутствие уважения к духу закона и международным обязательствам страны, было проблемой и до 2020 г. Однако воспитание следующих поколений юристов в «новой нормальности», допускающей насилие и юридический беспредел на государственном уровне,

может иметь куда более негативные долгосрочные последствия — в том числе в переходном периоде.

Кроме того, важно помнить о социальном измерении любой дискриминации и особенно тяжких долгосрочных последствиях именно системной дискриминации, которая в нашей ситуации, применительно к отдельным практикам и нарушениям, достигает масштаба преступлений против человечности. Нам уже в любом случае придется иметь в виду: если происходящее в Беларуси в отдельных аспектах квалифицируется как преступление против человечности, значит, в стране имеет место дискриминационная атака на определенную группу — в нашем случае и широкомасштабная, и систематическая. Помимо юридических последствий, она имеет и социальные, с которыми придется иметь дело в переходном периоде и, вероятно, еще долго после него — в частности, **разделение общества на тех, кого репрессировали, и тех, кто репрессировал**. Сможет ли переходное правосудие нивелировать, хоть как-то смягчить необратимо тяжкие последствия происходящего сейчас — открытый вопрос.

В любом случае, концепция системной политической дискриминации и приведенный нами выше примерный перечень дискриминационных практик и их последствий позволяют подойти к вопросам переходного правосудия с б**о**льшим вниманием к реальному кругу жертв репрессий и коренным причинам происходящего. Это особенно актуально для всех базовых компонентов переходного правосудия (*установление истины, восстановление справедливости (включая привлечение к ответственности), возмещение ущерба, увековечение памяти и гарантии неповторения*). Понимание природы системной дискриминации и механизмов, которые все это время позволяли серьезным нарушениям прав человека претворяться в жизнь и воспроизводиться в таких широких масштабах и с такой систематичностью, позволяет учесть в том числе нарушения социальных, экономических и культурных прав, о которых легко забыть в переходном периоде, ориентируясь в первую очередь на нарушения гражданских и политических. Это важно также для того, чтобы запустить более глубокую

рефлексию о причинах происходящего и мерах, которые должны быть приняты, чтобы можно было всерьез говорить о гарантиях неповторения.

Примечания

инакомыслящих

> К встречающимся в этом тексте (взаимозаменяемым) терминам «инакомыслие», «неблагонадежность», «нелояльность»:
>
> Речь не о конкретном политическом направлении, левой или правой политической ориентации: в нынешней ситуации инакомыслящим или неблагонадежным в Беларуси может быть признан практически любой человек, чья позиция так или иначе расходится с авторитарным курсом государства фактически в любом его проявлении, от строго политических вопросов до мнения об исторической памяти и экологической повестке — именно поэтому в число «инакомыслящих» попадают в том числе правозащитники, экологические активисты и другие люди и группы, чья деятельность формально с политикой не связана.
>
> При этом человеку не обязательно действительно придерживаться «запрещенного» мнения — государство может просто вменить, приписать ему такие взгляды на основании произвольного набора внешних признаков (см. об этом ниже).

← Вернуться к тексту (стр. 4)

защищаемых признаков

> К защищаемым признакам относятся: пол, раса, цвет кожи, национальное, этническое и социальное происхождение, язык, религиозные, политические или иные убеждения, участие или неучастие в профсоюзах или иных общественных объединениях, семейное, имущественное или служебное положение, возраст, состояние здоровья, ВИЧ-статус, место жительства, инвалидность, сексуальная ориентация, гендерная идентичность, транс-статус, иные обстоятельства или статус — реальные или предполагаемые.

← Вернуться к тексту (стр. 9)

законной цели

> К законным целям и адекватному дифференцированному отношению для их достижения могут относиться обеспечение качества и безопасности выполняемой работы (и особые требования к кандидатам на отдельные должности), защита национальной безопасности (там, где она, опять же, не противоречит обязательствам государства в области прав человека: с этой целью, к примеру, лиц с иностранным гражданством, как правило, не принимают на государственную службу), социальная защита отдельных уязвимых групп (и, следовательно установление особых льгот для них), и так далее.

← Вернуться к тексту (стр. 9)

сравнение и отождествление

> См. учебное пособие для 10-11 классов «Геноцид беларусского народа», 2023, стр. 40-41.

← Вернуться к тексту (стр. 15)

переданной ему Литвой

> В сентябре 2024 г. Литва, пользуясь своим правом государства-участника Римского статута, направила Прокурору официальное обращение с просьбой расследовать предполагаемые преступления против человечности в Беларуси, аргументируя это тем, что часть элементов преступлений (в частности, депортация) совершалась на территории самой Литвы, что дает Суду основание для юрисдикции, несмотря на то, что Беларусь не является стороной упомянутого международного договора: https://www.icc-cpi.int/lithuania-belarus

← Вернуться к тексту (стр. 16)

«преступлений экстремистской направленности»

> Эта категория фактически стала зеркалом правозащитного понятия «политический заключенный». Несмотря на то, что государство последовательно отрицает само существование такой категории людей — корпус оснований, которые на практике используются для политического преследования, фактически полностью укладывается в понятие «преступлений экстремистской направленности».

← Вернуться к тексту (стр. 23)

научной, образовательной, культурной и другими сферами

> Директива №12 прямо закрепляет, что образование, культура, наука, спорт, этноконфессиональные отношения, семейная, молодежная, информационная и историческая политика являются «приоритетными сферами, в которых идеологическая работа находится под особым контролем государства».

← Вернуться к тексту (стр. 29)

«сигналов»

> К примеру, подписка на оппозиционный ресурс, волонтерство в правозащитной организации, солидарность с политзаключенными, длительное отсутствие в стране после 2020 г. как автоматический повод для дополнительной проверки на границе — и десятки других.

← Вернуться к тексту (стр. 30)

умение ориентироваться

> Пропаганда (включая распространяемую на официальных сайтах местных органов власти информацию) утверждает, например, что проверка «правильной направленности» наших постов и подписок, например, является личной ответственностью каждого человека: https://ivanovo.brest-region.gov.by/ru/2013-08-21-05-30-36-817-ru/view/pamjatka-o-pravonarushenijax-ekstremistskoj-napravlennosti-i-otvetstvennosti-za-ix-sovershenie-2000005903

← Вернуться к тексту (стр. 30)

допустимо публично отказывать

> См. недавнее высказывание: «...закон об обращениях граждан на врагов народа не распространяется.» https://news.zerkalo.io/economics/134296.html#google_vignette

← Вернуться к тексту (стр. 44)

БЕЛОРУССКИЙ ХЕЛЬСИНКСКИЙ КОМИТЕТ

belhelcom.org

© Белорусский Хельсинкский Комитет, 2026